

Гоголь поможет «Ревизор» в Театре Ленсовета рассказывает Татьяна Джурова

ОБЫЧНО ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ экспортируют режиссеров из Москвы, а те, что побогаче, — с Запада. Случай Сергея Федотова, возглавляющего пермский театр «У моста», — исключительный. Лет семь назад он уже ставил «Женитьбу» в «Приюте комедианта». Но тогда этот спектакль не сделал его знаменитым. Москва по-настоящему обратила на него внимание уже после того, как он первым в России поставил Мартина Макдонаха. Сейчас Федотов ставят едва ли не в один ряд с Сергеем Женовачем и Петром Фоменко. И дело тут не только в признании его действительных заслуг, а в охватившей обе столицы тяге к опрощению и естественности. Критики считают, что именно таким, как постановки «У моста», должен выглядеть настоящий театр «по Станиславскому», подробный и слегка наивный. «Русскую душу» Федотов успешно вывозит и на Запад, например в Чехию, где не только много ставил, но и вел тренинги по системе Михаила Чехова.

Сейчас Сергей Федотов возглавляет движение, которое можно назвать «Назад, к драматургу!». Пермский режиссер считает, что прошло время режиссерской вольницы. Собратья по профессии должны усмирить свое непомерно разросшееся эго

и открыть заново пьесу как она есть. Так и Федотов уже не первое десятилетие «открывает» Гоголя, Булгакова и Макдонаха. Но Театр Ленсовета, у которого с театром «У моста» давние отношения, все-таки пригласил его ставить не модного ирландца, а нашего, классика, Гоголя, день рождения которого совпадает с датой премьеры — 1 апреля. Гоголь для Федотова — такой же устойчивый, но более давний объект притяжения, как Макдонах. В репертуаре «У моста» есть «Женитьба» и «Игроки».

Конечно, Федотов лукавит и свой авторский взгляд, угол зрения у него есть. Если Макдонах выходит у режиссера настоящим русским провинциалом, лапотником, «диким, но симпатичным», то для Гоголя у него другой ключ. Мистический реализм. Как мистика Гоголя в новейшее время ставили много. В «Женитьбе» «Приюта комедианта» женихи были представлены гротескной галереей призраков, роящихся в воспаленном воображении Агафьи. Ход этот впоследствии был растиражирован. Впрочем, дело тут не столько в приемах, сколько в том, что сам режиссер без тени иронии утверждает, что поддерживает с покойными драматургами астральную связь. И на постановки его «благословляет» (или же удерживает, посред-

ством разного рода «знамений»), как правило, автор. А в репертуаре «У моста» ощущим инфернальный акцент — «Дракула» Брэма Стокера, «Панночка» Нины Садур, «Мастер и Маргарита» Булгакова.

О «своих» драматургах Федотов говорит любовно, целыми часами. Так же любовно он подходит и к персонажам, и, кажется, к актерам. А пермские актеры переносят уже свою «любовность» на героев и отдаются им без остатка. В Театре Ленсовета царит другой культ — актера. Каждый

второй — выходит на сцену в блеске званий, регалий и в ореоле зрительского обожания. Поэтому Федотов, конечно, рискует, выводя в образе Городничего — н.а. России Сергея Мигицко, народного любимца, не скупящегося на репризы. Хлестакова репетировали сразу трое — Виталий Куликов, Роман Кочержевский и Олег Федоров. В день премьеры будет играть Федоров — молодой актер, который умеет держать форму.

Театр им. Ленсовета, 1 и 2 апреля, 19.00

ВИКТОР БАСИЛЬЕВ/КОММЕРСАНТЪ

Старые шутки «Майская ночь» Римского-Корсакова в Мариинке-3 освещает Дмитрий Ренанский

ПОКА ВЕСНОЙ прошлого года Михаил Плетнев с Николаем Басковым не провели «Майскую ночь» на пленэре в подмосковном Архангельском, а Александр Тителъ не поставил свой спектакль в столичном театре Станиславского и Немировича-Данченко, раритетную партитуру Николая Римского-Корсакова можно было услышать только в записи. В Петербурге ее последний раз играли лет пять назад по случаю очередного юбилея композитора, теперь силами Академии моло-

дых певцов полусценически исполнят к юбилею писателя. Сначала семистейдж Александра Москалина под управлением Тугана Сохиева дважды покажут на мариинском гоголевском фестивале, а затем повторят в рамках «Звезд белых ночей». Таким образом в мариинской афише окажутся представленными все три сочинения Римского-Корсакова («Майская ночь», «Ночь перед Рождеством» и «Золотой петушок»), которые в полной мере могут быть причислены к самому дефицитному жанру русской оперы — комическому.

Вплоть до «Майской ночи» русские композиторы вели разговор с целевой аудиторией императорской музыкальной сцены почти исключительно высоким штилем. Смеяться было позволительно авторам-иностранцам, русский смех допускался лишь в жанрах более низких, в лучшем случае — в комедиях Островского, в худшем — в водевилях Ленского и компании. Шутить с оперных подмостков было как-

то не принято, а в голос хохотать могли лишь безумцы вроде Мельника из «Русалки» Даргомыжского. К тому времени Мусоргский уже написал свою «Женитьбу», но он был маргинал, что с него взять. Протасить комедию в императорскую оперу можно было только совершив какой-нибудь верноподданнический поступок — как и поступил Римский-Корсаков, сочинив «Майскую ночь». К тому времени Украина давно была нашей: гетманщина уже век как ликвидирована, запорожская сечь захирела от зачисток, всякие остатки «мазепинского духа» изживались на корню. Пришло самое время поиронизировать над безопасными и смехоемкими малороссами.

Добродушно-наивное и жанрово-энергичное дурачье, в изобилии населяющее «Вечера на хуторе», само просилось в объекты композиторской иронии, тем более что гоголевские панночки и пацюки отлично укладывались в формат псевдоисторического и псевдонационального стиля, насаждавшегося в те годы в русском искусстве. «Майская ночь» Римского-Корсакова с ее по-профессорски аккуратно гармонизованными народными песенны-

ми стандартами так же походит на Украину, как построенный чуть раньше на площади Островского «петушиный» Дом Басина репрезентирует Россию. В колоритно-паточной как медовуха, смачной как борщ с пампушками опере не так уж много осталось и от Гоголя — уж слишком сноровисто и логично обработал Римский-Корсаков его «Вечера на хуторе», крепко замешав в собственном либретто комическую интригу и лирическую линию и приправив любовный треугольник толикой мистики. Дулю в кармане Римский-Корсаков затаил до конца жизни: потренировавшись на малороссах, композитор настаивал комизм для «Золотого петушка», как пробка из бутылки шампанского выстреливший жесткой антирусской сатирой, — да еще пользуясь текстами солнца русской поэзии. После Римского-Корсакова опять стало можно в голос смеяться и над русскими гоголевскими героями. На «Ревизора» Вернера Эгга Мариинский театр не замахнулся, а вот «Нос» Шостаковича и «Мертвые души» Щедрина на гоголевском фестивале сыграют.

Концертный зал Мариинского театра, 2 апреля, 19.00